
РЕЦЕНЗИИ

Л.А. Мосионжник

ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ И НАШИ ПЕРСПЕКТИВЫ

Рецензия на книгу: Н. Härke (ed.). *Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. 2nd, revised edition // Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel. Bd.7. Frankfurt a.M. etc. «Peter Lang».*

L.A. Mosionjnic. The German Experience and Our Perspectives.

The article is dedicated to recently edited book about relations between the science and the society in Germany in XX century. It focuses on problems which make this experience especially important for contemporary Central and Eastern Europe.

В 2000 г. Европейское научное издательство «Peter Lang» выпустило сборник статей под редакцией Генриха Херке: «Археология, идеология и общество. Германский опыт». О том, насколько серьёзные проблемы затронула эта книга, говорит появление уже два года спустя второго, пересмотренного издания. Авторы статей – видные учёные (археологи и не только) из Германии – в основном Западной (о причинах этого в книге говорится особо), а также Великобритании, США, Нидерландов и Намибии.

Чем же так актуален этот сборник? Об этом говорит сам Г. Херке во вступительной статье «*Германский опыт*» (с.13-40). Немецкий стиль научного мышления и организации научной деятельности издавна считался эталонным для стран Центральной и Восточной Европы. Поэтому и проблемы немецкой науки – это, так или иначе, проблемы любой страны к востоку от Одера, и её вчерашний и сегодняшний опыт – это и наше «не сегодня-завтра».

В течение всего послевоенного полувека немецкие археологи упорно держались своей «традиционалистской культурно-исторической перспективы» (с.16). С точки зрения их ещё более западных коллег, это значит: «эмпирическая работа; большее внимание к описанию, чем к интерпретации; превосходная техника при малом внимании к базовым вопросам; иерархичность; отсутствие живых дискуссий; добровольная самоизоляция от магистрального русла европейской археологии» (с.18, со ссылкой на статью Дж. Блоомерса в этом же томе). Сам Г. Херке обобщает особенности немецкой научной традиции несколько иначе:

- тщательная критика источников;
- воздержание от поспешных обобщений и преждевременных публикаций;
- доверие скорее к надёжным археологическим методам, чем к плохо понятым научным приёмам;

– преемственность в работе и совершенствование методологии в противовес быстро сменяющейся научной моде;

– и, в целом, серьёзные намерения соответствовать... научным и академическим стандартам» (с.18).

Поэтому немецкие учёные не приняли «новую археологию» англосаксонских стран, принципы которой во многом противоположны только что описанным. Сложились два лагеря, диалог между которыми не получился: они говорили на разных языках (в самом прямом смысле слова), не очень стараясь услышать друг друга. Между ними заняли промежуточную позицию археологи Нидерландов и скандинавских стран, пытавшиеся сочетать принципы немецкой и англо-американской школ без претензии на «новое слово» или «третий путь».

В наши дни германская археология переживает кризис, в немалой мере структурный и финансовый. Поиски выхода из него заставили вновь оценить пройденный путь со всеми его зигзагами и сегодняшние проблемы. Из этих проблем Г. Херке особо выделил две.

Начнём со второй – с проблемы языка. Немецкий язык вообще, по словам автора, «печально знаменит своей трудностью» (с.32), и не раз в тексте встречаются ссылки на то, что, например, слово *seriös* («серьёзный») в применении к науке нельзя перевести на английский буквально. Однако немецкий *научный* язык (*Wissenschaftsdeutsch*) труден даже для большинства населения самой Германии. Когда-то он был выработан для предельно точного описания и выражения мыслей, но затем превратился в групповой жаргон, призванный отделять посвящённых от профанов. В своём нынешнем виде он часто служит для того, чтобы автор мог представить свои результаты, не делая выводов (с.33-34). Впрочем, это намерение бывает сознательным, о чём далее говорится в статье С. Вольфрам.

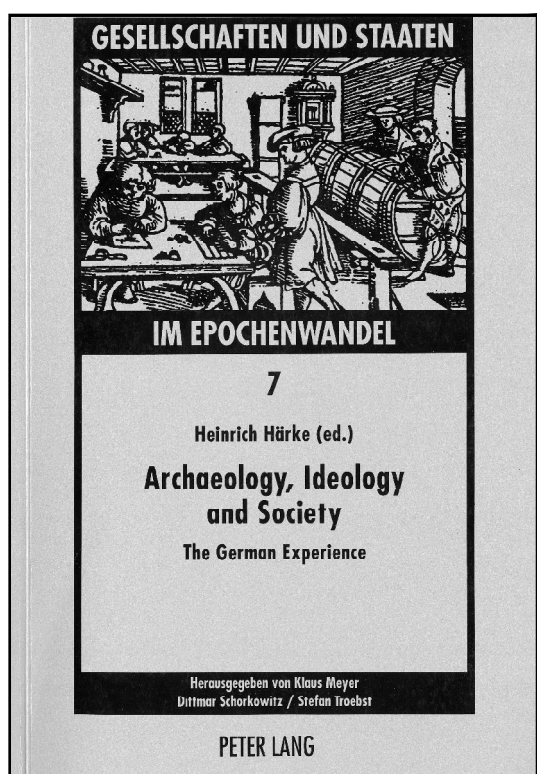

Рис. 1. Обложка книги «Археология, идеология и общество. Германский опыт».

Интересно, пытался ли кто-нибудь так же проанализировать русский научный язык (*Wissenschaftsrussisch*), и если да, то пришёл ли к другим выводам? Ведь и язык нашей науки следует в русле немецкой традиции. И нам легко понять немецких археологов, которым язык их англоговорящих коллег кажется «упрощённым или даже высокомерным, потому что он приложим лишь к ситуациям более ясным, чем может обеспечить археология по самой своей природе. Добавьте к этому мессианское рвение и необоснованные претензии англоязычной «новой археологии» 1960-1970-х годов, и вы начнёте понимать, как язык сыграл роль (хотя и не главную) в отказе германской археологической общественности от процессуальной археологии» (с.34).

Кто из нас не испытывал подобные чувства? Добавим, что англосаксонские коллеги, со своей стороны, считают немецкий стиль письма неестественно усложнённым и многословным. Издатели полагают, что один лишь перевод с немецкого на английский сокращает текст примерно на 20%, что произошло и с рецензируемой книгой (с.34). Ведь проблема языка – это, прежде всего, проблема стиля мышления. Аналитический язык, вроде английского или китайского, лучше подходит для ясных ситуаций с двузначной, чёрно-белой логикой; синтетический, вроде немецкого или русского, – для ситуаций многозначных, где между элементами нелегко провести грань. На этом фоне даже «эзопов язык» советской археологии (Klejn

1997: 184-197) и его аналог в ГДР не кажется сложным: читателю, разбирающемуся в предмете, достаточно лишь внимательно следить за логикой автора, и фигуры умолчания от него не ускользнут.

Однако проблема языка для Г. Херке – только вторая. Первая же – это «коллорабационизм, согласие и оппортунизм» (с. 22-32). Иными словами, как относиться к поведению учёных, согласившихся обслуживать идеологические заказы диктатур? И можно ли сегодня использовать их тогдашние работы? Сам Г. Херке считает, что он не вправе давать такие оценки: он не жил ни в Третьем рейхе, ни в ГДР и не знает, как повёл бы себя в таких условиях сам (с.32). Это, конечно, более достойная позиция, чем попытка Канта двести лет назад. В то время, когда в Париже свирепствовал красный террор и по всему городу разыскивали скрывающихся «врагов народа», – в это самое время Кант, сидя в безопасном Кёнигсберге, учил на этом самом примере, что нельзя лгать даже для спасения укрывшегося в твоём доме друга (Кант 1980). Позиция авторов сборника выше: даже для того, чтобы позорные явления не повторились, их надо не судить (с позиций ницшевской «критической истории»), а понимать.

Вопрос ведь не в том, что под давлением мы одни, а на воле – другие. Беда в том, что давление есть всегда. В демократическом обществе его формы менее грубы, зато более эффективны. По словам М. Гроха, «оппортунизм» археологов в демократических странах нормален и даже неизбежен, поскольку гуманитарные науки в этих странах зависят от государственного финансирования (с.30). А разве при диктатурах их финансирует кто-то другой? Разве когда-то было иначе? Где можно встретить средневековых учёных и поэтов, если не при дворах султанов и королей? Ведь без их спонсорства ни учёные, ни поэты не могли заниматься своим делом. А кто платит, тот заказывает музыку. Разве наука «свободного мира» более свободна? Тупого или злобного начальника можно уговорить, переубедить, наконец, найти управу. Пустой кошелек уговорам не поддаётся.

Тирания – это когда власть стрижёт народ, как овец. Демократия – это когда овца сама себя стрижёт, сама приносит шерсть и благодарит, если эту шерсть взяли. И никакая конституция не в состоянии сама по себе сделать человека свободным и полным достоинства. Г. Херке вспоминает, как он рассказал своему коллеге с Востока об абсолютной власти главы отдела в британском университете, решающего учебные и административные вопросы по своему произволу. Коллега воскликнул в тревоге и недоверии: «*Das gab es nicht einmal in der DDR!*» – «Такого не было даже в ГДР!» (с.27). Меняются режимы, но остаётся проблема, сформулированная Стругацкими так: не в том вопрос, кто на нас давит, а в том, как жить под

давлением («За миллиард лет до конца света»).

Служение идеологическому заказчику, участие или неучастие в преступлениях, порядочность человека и учёного – это вопросы на все времена. Германский опыт последних 130 лет (с момента установления первой диктатуры – кайзеровской) даёт тому яркие и наглядные примеры. И можно лишь благодарить немецких учёных за их готовность публично обсуждать горький опыт своей страны и своей науки. Опыт, который наверняка хотелось бы забыть, как ночной кошмар.

* * *

Первый блок сборника составляют статьи, посвящённые пути «от национализма к нацизму» – археологической науке в гитлеровской Германии и причинах её перерождения. Статья Ульриха Файта (Ulrich Veit) «**Густав Косинна и его концепция национальной археологии**» (с.41-66) посвящена центральной фигуре всей германской преистории первой трети XX века. Сам Гордон Чайлд даже после войны, когда и в СССР, и в самой Германии о Косинне старались не вспоминать, напоминал о нём как об одном из своих учителей (с.46). Л.С. Клейн совсем недавно вернулся к этой фигуре на страницах нашего журнала (Клейн 2000). Со своей стороны, У. Файт указывает на «три источника вдохновения» Косинны. Это:

1. Романтический национализм, основанный на изучении народной культуры. Причём национализм в его специфическом виде, сложившемся раньше всего именно в Германии, а затем распространившемся оттуда по всем остальным странам Центральной и Восточной Европы. Эта идеология старается не вспоминать о «нации» (Nation) в её англо-французском смысле – как носителя самоуправления и демократических начал. Напротив, её основная категория – «народ» (Volk), то есть обособленная группа, физические и биологические характеристики которой связаны с общностью происхождения (с.52). Такой национализм плохо подходит для создания мировых империй, и не случайно, как отмечают другие авторы этого же тома (Х. Хассманн, Ф. Феттен), с конца 1930-х гг. нацистская идеология перешла от *völkisch* (националистической) фазы к *reichisch*¹ (державной) фазе.

¹ Русский перевод слова «Reich» как «империя» общепринят, но ошибочен. Так, государство во главе с императором по-немецки – не просто Reich, но Kaiserreich, так же как королевство – Königreich. В то же время этим словом обозначалась и Веймарская республика, и современные республиканские Франция (Frankreich) и Австрия (Österreich). На самом деле – это крупное и могущественное государство вообще, безотносительно к форме правления. Во французском языке найти аналог этому понятию сложно, на что указывал М. Блок (1986: 92), в русском же и украинском оно в точности соответствует слову «держжава».

2. Научный позитивизм XIX в. Его влиянием и объясняется тот факт, что Косинна, при всех его претензиях на создание «чрезвычайно национальной науки» (*hervorragend nationale Wissenschaft*), лишь очень поздно встал на позиции расизма, сторонники которого, со своей стороны, воспринимали его весьма сдержанно. Куда более влиятелен среди них был К. Шухардт, главный оппонент Косинны.

3. Работы в области материальной культуры, прежде всего классические методы Томсена, Монтелиуса и Тишлера. Косинна не был полевым археологом, на раскопках он за всю жизнь провёл лишь несколько дней (Клейн 2000). Тем не менее он, несомненно, почувствовал разницу между историей, основанной на доверии к письменным свидетельствам, и археологией, требующей совсем иной герменевтической процедуры. Основы этой процедуры Косинна и заложил. А его последователи вне Германии освободили эту методологию от националистических иллюзий её основоположника.

В самой же Германии последствия косиннизма оказались зловещими. Статья Хеннинга Хассманна (Henning Haßmann) «**Археология в “Третьем рейхе”**» (с.67-142) посвящена судьбам и организации науки в эпоху нацизма. Для самого Гитлера учёность была лишь орудием пропаганды, и чем ниже её уровень, тем, значит, шире аудитория. Однако в своих штудиях насчёт «нордического духа» нацисты предпочитали обращаться именно к преистории (*Urgeschichte*), а не к письменной истории. Они считали, что именно преистория показывает народы в их «естественном», «неискажённом» состоянии, именно здесь отчётливее выступает «расовый дух». К тому же со времён Косинны было известно, что немые археологические свидетельства гораздо легче интерпретировать в любом удобном духе, чем письменные памятники. Отсюда огромное внимание к преистории, причём именно германской. Наука как поиск объективной истины нацистов не интересовала. Учреждения, занимавшиеся провинциальной римской археологией, даже такие солидные, как Римско-Германская Комиссия во Франкфурте, испытали это на себе. Число археологов-«классиков» с 1926 по 1941 г. уменьшилось примерно на треть, а труды оставшихся было рекомендовано публиковать лишь в специальной литературе, не для широкой публики, чтобы не затенять «карийские» древности. Но за этот же период в дополнение к единственной прежней кафедре археологии (в Марбурге) было создано ещё семь – от Тюбингена до Кёнигсберга, а число пре- и протоисториков возросло более чем вдвое (с.89-92).

Машина нацистского рейха не была централизованной. Как и во многих других диктатурах, в её основе лежал принцип соперничества между органами с пересекающимися функциями,

что позволяло диктатору выступать в роли третейского судьи. С самого начала было создано «Управление Розенберга» (*Amt Rosenberg*) для контроля за культурой, в рамках которого постепенно сложился «Имперский союз германской преистории» (*Reichsbund für Deutsche Prähistorie*). Возглавил эту организацию Ганс Райнерт, до 1933 г. – приват-доцент (университетский преподаватель без штатной должности и оклада) в Тюбингене, автор раскопок в Федерзее. После неудачных попыток добиться штатной профессуры он пошёл на союз с нацистами, чтобы под их опекой сделать научную карьеру (с.72). Эта борьба за пост наложила отпечаток на всю его дальнейшую судьбу, привела к сознательной жертве научной истиной ради соображений «партийной линии» и собственного служебного положения. Крупный учёный, Райнерт, однако, беззастенчиво манипулировал фактами в угоду идеологии. Кроме того, обретенную власть он постоянно использовал для интриг и сведения счетов с «завистниками», реальными или мнимыми соперниками. В конце концов недобросовестный стиль руководства Райнерта разложил *Reichsbund*. Серьёзные учёные его покинули, остались шарлатаны.

Конкурентом Райнерта был отдел СС «Наследие предков» (*SS-Ahnenerbe*) под контролем Гимmlера. Здесь создавалась более благоприятная обстановка. Сам Гимmlер мечтал об академической карьере и поэтому, хотя сам и не был высокообразованным, умел уважать учёных. Конечно, он рассматривал их как своих «негров», но всё-таки не завидовал чужому таланту, как Райнерт. Борьба между «Имперским союзом» и «Наследием предков» не прекратилась даже после Победы и завершилась лишь в конце 1940-х годов. Денацификация в этой сфере свелась лишь к тому, что Райнерт (единственный из археологов, служивших режиму) был лишён профессуры. В дальнейшем он вновь получил профессорскую степень, но не должность, вёл лишь небольшие раскопки, занимал невысокие посты в частных организациях и до самой смерти демонстрировал верность идеям, с которыми слишком тесно себя связал. Морально же его учреждение распалось ещё раньше. Что касается *SS-Ahnenerbe*, то его куратор В. Сиверс был казнён по приговору Нюрнбергского трибунала, но не за действия в области науки, а как один из высших чинов СС, повинный в тяжких военных преступлениях. А работавшие под его началом преисторики не пострадали.

Что касается самих учёных, то их поведение многие авторы, в том числе и Х. Хассманн, называют «фаустовской сделкой». Как известно, Фауст отдал душу чёрту во имя высоких целей, в данном случае – научных. Действительно, в рамках «Наследия предков» раскопки продолжались, а их технический уровень безупречен даже по сегодняшним меркам. Мало того, тех-

нологию раскопок (например, метод аэрофотосъёмки) удалось развить далее. И всё же, как отмечает Х. Хассманн, цена «фаустовской сделки» оказалась слишком высока. Наука, откровенно превратившаяся в служанку политики, утратила доверие коллег, то мировое признание, которым она пользовалась целый век до этого. Учёным пришлось занять место бок о бок с откровенными шарлатанами, археологам – с астрологами, историкам – с оккультистами. Мало того, лёгкость, с которой вроде бы твёрдо установленные научные факты удавалось применить для обоснования бредовых идей, компрометировала не только конкретных исследователей, но и научное знание как таковое. Статья Х. Хассманна полна примеров такого рода.

Большие усилия отдавались работам в области символики и примитивной религии. Однако серьёзные работы в этих областях (Ж. Дюмезиля, М. Элиаде, А.Ф. Лосева, а также специальные труды К.Г. Юнга) появились лишь после войны, и вовсе не в Германии. Нацистскую же активность в этих сферах Х. Хассманн оценивает как раз очень невысоко: «Широкое поле лженаук – особо интересная область, и Герман Вирт, фактический основатель *Ahnenerbe*, был самым известным представителем этой тенденции. Довольно неопределённая, но общедоступная область исследования символов, происхождения и ранних форм религии, корни которой уходят в XIX век и далее, достигла вершины расцвета при нацизме и всё ещё популярна сегодня» (с.116; выделено мной – Л.М.).

И уж совсем не поддаётся оправданию деятельность «Наследия предков» в захваченных странах, где она целиком сводилась к обоснованию «исторических прав» Германии на востоке. Таковы, например, раскопки военного времени в Крыму (с.110). Чудовищны были результаты этой активности в Польше. Погибла треть польских археологов, в своё время сильных оппонентов Косинны, воевавших против него его же оружием (Клейн 2000: 125-127). Университеты в Варшаве и Познани были закрыты, богатейшие археологические коллекции не просто разграблены или вывезены, как на Украине, а уничтожены. Взамен были созданы новые, по сути оккупационные, учреждения, с чисто политическими задачами. Так, в Кракове был создан «Институт для работы на германском Востоке» (*Institut für deutsche Ostarbeit*), кафедру преистории в котором возглавлял профессор В. Радиг, до этого работавший в педагогическом колледже (!) в Эльбинге. В его задачу входила в основном пропаганда, научная же работа сводилась к охране памятников (с.102).

Общий вывод Х. Хассманна звучит как серьёзное предупреждение всей нашей науке:

«Преисторическая археология имеет три существенных характеристики, которые сделали её потенциальным средством идеологического использования: во-первых, пре- и протоистория изучает временные измерения народов

и культур; во-вторых, природа археологических свидетельств оставляет практически неограниченное поле для интерпретаций; и наконец, наша дисциплина может быть высокохудожественной и кажется полной тайн, что привлекает к ней повышенный интерес публики.

Поэтому неудивительно, что нацисты взяли эту науку под свой контроль с точки зрения организации, персонала и оборудования, ради её эксплуатации и манипулирования в политических целях. В этих условиях многие преисторики вели себя не просто лояльно или приспособленчески по отношению к государству, но и активно поддерживали режим, тесно сотрудничая с ним. Предполагаемая судьба германцев была археологически «доказана» и использовалась для обоснования немецкого господства путём войны, массовых убийств и агрессии. В то же время не все преисторики дали себя совратить в «фаустовскую сделку», и даже нацисты, полностью разделявшие нацистскую идеологию, иногда выполняли работы на превосходном научном уровне» (с.132).

Этот опыт, по словам Х. Хассманна (и Й. Трёгера, на которого он ссылается), должен быть учтён, если мы хотим, чтобы подобное не могло повториться.

Многое из сказанного Х. Хассманном конкретизирует Франк Феттен (Frank Fetten) в статье «*Археология и антропология в Германии до 1945 г.*» (с.143-182). Здесь больше говорится об особенностях самой науки, сделавших столь лёгкой её фашизацию, вплоть до вопроса: «Были ли преисторики и физические антропологи попутчиками национал-социализма – или наоборот, руководители Третьего рейха были попутчиками некоторых научных теорий, которые они смогли, наконец, провести в жизнь?» (с.153).

Есть в этой статье многое, от чего берёт оторопь. Так, центральной идеей фашистской археологии было приравнивание культуры к этнополитической группе со своим языком и «расовой душой» (с.146). Разве это не характерно для многих школ нынешнего СНГ, кроме (временами) последнего пункта? Аксиомой считалось дискретное культурное развитие, множественность культур. Для нас цивилизационный подход – завоевание демократической науки. Пусть это так, пусть даже такой гуманист, как Карл Ясперс (1991) видел единую общечеловеческую культуру лишь в исторической перспективе, – и всё же достаточно начать делить культуры на высшие и низшие, чтобы получить старую нацистскую теорию, только без слова «раса». А признать все культуры одинаково высокими – погрешить против истины. Вот вам выбор между Сциллой нацистской лжи и Харибдой лжи обыкновенной (но тоже идеологической).

Северная Германия (вместе с Южной Скандинавией) считалась прародиной «индогерманцев» (индоевропейцев). А сейчас у нас не

хватает только переименования «индогерманцев» в «индославян». Не редкость встретить утверждения вроде того, что ирландские форморы – это русские поморы, к тому же явившиеся в Ирландию прямоком из Трои (Рыжков 2002: 115), что король Артур был «русским втязем» (там же: 104), что пирамиды были построены «русской ордой» (А.Т. Фоменко – см. Портнов 2000), что вандалы говорили по-русски, а египетские боги – на самом деле славянские (любой номер журнала «История»)… Полное совпадение с «походами индогерманцев»! Правда, в этих случаях эксплуатируется не столько археология, сколько лингвистика, которая даже в ещё большей мере «оставляет практически неограниченное поле для интерпретаций» (по Вольтеру, для этимологов «гласные ничего, а согласные почти ничего не значат») и к тому же «может быть высокохудожественной и кажется полной тайн, что привлекает к ней повышенный интерес публики» (Х. Хассман, с.132).

У нацистов «расовая душа», определённая нарочито туманно (и тем самым выведенная за грань научности), объявлялась наследственным фактором, полностью определяющим поведение индивида. Достаточно заменить «расу» на «суперэтнос», и... опять приходим к концепции, весьма популярной в СНГ (см. Гумилёв 1990: 4, 6 сл.). Кто-то не знает, куда ведёт такой путь? Или выбирает его сознательно?

Положительно, такие книги нам нужны были давно. Демонизация фашизма, начиная с 1941 г., сыграла с нами дурную шутку. Привыкнув к его карикатурному образу (зверский оскал, косая чёлка, пятна крови, непременная свастика), мы теперь не можем его опознать, даже столкнувшись с ним нос к носу. Не можем узнать опасного уклона даже в том, что делаем сами, вот что самое страшное! Нам казалось, что фашизм возможен где угодно, только не у нас. Хорошо выразился на этот счёт Дэвид Кросби: «С нами такого случиться не может» – это фраза номер один в списке знаменитых последних слов».

Кто сказал, что фашизм всегда будет нам предъявлять свою визитную карточку? Это коммунизм всегда заботится о том, чтобы его узнавали. А фашизм – мастер мимикрии. Достаточно сказать, что среди всех стран, где фашистские партии когда-либо представляли собой реальную силу, невозможно назвать и двух, где бы эти партии одинаково назывались.

Немецкий опыт показывает, что альтернативы были возможны. Ещё до Косинны лидером германской антропологии и преистории был Р. Вирхов (взглядам которого в статье посвящена целая глава), чуждый расизму и шовинизму. Но его линия не была востребована. Сложился психологический климат, в котором «убеждения ценились больше, чем критическая, методичная работа. В результате физическая антропология превратилась в ресторан

самообслуживания, где каждый выбирал себе, что хотел» (с.177).

* * *

Второй блок статей посвящён археологии в послевоенной ФРГ. Способы разрыва с нацистским прошлым – тема статьи Сабины Вольфрам (Sabine Wolfram) «**Прорыв посредством технологии**» или синдром Косинны? Археологическая теория и социальный контекст в послевоенной Западной Германии» (с.183-204). Отвращение к нацистской спекуляции на прошлом вызвало у населения отвращение к историческому знанию вообще, красочно описанное Себастьяном Хаффнером: «Древние греки, римляне, Лютер, Старый Фриц, Наполеон – в моё время это были фигуры более или менее привычные, даже интересные для каждого школьника. История выглядела как увлекательная книжка с картинками, и находилось немало охотников узнать о ней побольше. Сегодня от этой книжки воротят нос. Зачем это нам, какое нам дело до всей этой мертвечины, к тому же достаточно лживой?» (Хаффнер 1994: 58). Со своей стороны, археологи и преисторики, чтобы не допустить нового идеологического использования их науки, стали вообще избегать широких обобщений. Год за годом выходили чисто фактологические труды, посвящённые лишь описанию находок без их интерпретации. Отсюда же – то отсутствие дискуссий, которое отмечают Г. Херке и Дж. Бломерс. Естественным результатом стало падение интереса к археологии и преистории даже у студенческой молодёжи.

Можно понять немецких учёных, которые таким способом стремятся предотвратить любую новую возможность злоупотребления наукой. Но гуманитарное знание, избегающее выводов, попросту не выполняет своих задач. Естественные науки существуют ради познания мира и управления им ради пользы человека, их конечный продукт – новые машины, материалы, товары и услуги. А конечный продукт гуманитарных наук – мировоззрение: знания, позволяющие человеку познать себя и своё место в мире. Такое знание не может быть свободно от идеологии, иначе оно никому не нужно. Условием его полной безвредности оказывается полная бесполезность.

Вопрос в другом: какая идеология, и в конечном счёте – кто здесь играет первую скрипку? Если наша идеология зависит от научных истин, проверяется ими и при этом не свободна от нравственной оценки, – тогда всё в порядке настолько, насколько вообще возможно в этом мире. Если же наоборот, если учёный должен сверять свои будущие результаты с априорной идейной установкой («Тут вот сообщение о чуме, так вы не знаете – наша партия за чуму или против?» – К. Чапек), – вот тогда жди беды. Тогда и начинается тот самый «ресторан самообслуживания» по Ф. Феттену, в ко-

тором учёным отводится роль поваров, а далёким от науки людям – роль капризных заказчиков. Тогда наука перестаёт быть самой собой, тогда и начинается коллаборационизм, открывающий путь к соучастию в любых преступлениях.

Впрочем, немецкие учёные сами осознают, что путь отказа от интерпретаций ведёт в тупик. В последние годы в ФРГ вновь начали появляться теоретические и интерпретационные работы несомненного научного значения (см., напр.: Aktuelles 2001; Schleife 2002 и др.).

Педагогическому опыту ФРГ и судьбе древней университетской традиции в XX веке посвящена статья Ульрики Зоммер (Ulrike Sommer) «**Преподавание археологии в Западной Германии**» (с.205-243). Традиционное для немецких университетов деление на факультеты восходит ещё к средневековому делению «свободных искусств». До университетской реформы 1975 г. факультеты были слабо связаны друг с другом. Каждый из них организовывал собственные дочерние учреждения во главе с ординарными профессорами, полностью независимые. С конца 1970-х годов высшее образование стало доступно всем слоям общества, а не только членам традиционных элит. Однако сокращение населения, особенно за счёт молодёжи, привело к тому, что новые университеты больше не основываются, а старые лишь сохраняют ранее достигнутый уровень.

Интересны «Заключительные наблюдения» автора (с.239). По её мнению, немецкие студенты стремятся к большей самостоятельности, чем их английские и американские коллеги. Они в среднем старше по возрасту, они работают с более трудной литературой, без помощи хрестоматий и учебников, которые здесь довольно редки. И преподаватели, как правило, стремятся отвлечь их от использования вторичной литературы, заставляя работать с первоисточниками, на каком бы языке они ни были написаны. Но эта независимость не распространяется на интеллектуальную сторону. Студенты «не смеют своего суждения произнести» вплоть до получения степени доктора философии. Обычно они более критично относятся к данным, чем к выводам. В целом немецкая система благоприятна для воспитания не столько заинтересованных и оригинальных студентов, сколько гибких, устойчивых к фрустрациям и готовых к тому, чтобы получать мудрость готовой из рук наставников.

Методы и средства популяризации археологических знаний рассматривает Мартин Шмидт (Martin Schmidt) в статье «**Археология и немецкая общественность**» (с.244-274). Интерес к этой науке среди широкой публики по-прежнему велик, о чём говорит хотя бы колоссальный успех знаменитой книги К.В. Керма «Боги, гробницы, учёные». Впрочем, это интерес скорее художественный, чем серьёзный, судя по результатам просмотра в Германии

«Парка юрского периода». «Датировка – трудное понятие для многих: древность есть древность, будь то юрский период, палеолит или средневековье» (с.251). Вряд ли будет преувеличением сказать, что для рядового зрителя прошлое превратилось в жанр *fantasy*, где встреча неандертальца с динозавром лежит в пределах вольности, дозволенной «художнику слова».

Средства пропаганды знаний преистории – несколько ежегодных публичных конференций (с.245), а также работа школ и музеев. Однако школьные учебники представляют серьёзную проблему: «...многие иллюстрации и тексты в школьных учебниках не только низкого качества, но даже ложны; так, школьники из южной Германии должны иметь дело с мегалитическими погребениями северной Германии, которых нет на юге, и наоборот» (с.253). Такая проблема, по мнению автора, связана с необходимостью малых федеральных земель приспособлять к собственным условиям учебные программы большой страны. Однако не отпускает мысль: так нам, получается, и вовсе не следует «иметь дело с мегалитическими погребениями», коль скоро их нет в Молдове?! Не грозит ли нам на этом пути провинциализм, от которого мы и без того не знаем, как спастись? Тот самый воинствующий провинциализм, который Т. Манн (1961: 305-306) в своё время считал характерной немецкой чертой?

Общий вывод автора пессимистичен: интерес публики к археологии довольно высок, интерес же учёных к публичным контактам – стремится к минимуму. Пропаганда науки через музеи, исторические общества, вечерние колледжи и т.п. не достигает особого результата, так как рассчитана лишь на узкую аудиторию. Публику же интересуют в основном «сокровища, мистические ритуалы, магия и эзотерика» (с.271). Речь уже шла о том, что целомудренное воздержание археологов во многом вызвано нежеланием повторить опыт Косинны. Но тогда с ролью, от которой отказывается наука, вполне справятся «магия и эзотерика», тот же нацизм это уже показал. В конце концов, пропаганда науки нужна уже для того, чтобы сон разума перестал порождать чудовищ.

И ещё две статьи этого блока посвящены особой теме: преистория и женщины. Ева-Мария Мертенс (Eva-Maria Mertens) рассматривает «**Положение женщин-археологов в Западной Германии**» (с.275-288). Женщин в германской преистории достаточно много, но высокого уровня достигают лишь немногие. Доступ к образованию равный, дискриминации нет. В 1989 г. женщины составляли 50% всех, кто изучал археологию в ФРГ. Однако в Германии, как и везде, женщине труднее, чем мужчине, совместить семью, детей и стремление к степени PhD. Добротная и взвешенная статья Е.-М. Мертенс подкреплена солидным статистическим аппаратом.

Близка по теме и статья Сигрун М. Карлиш (Sigrun M. Karlisch), Сибиллы Кестнер (Sibylle Kästner) и Хельги Брандт (Helga Brandt) «**Женщины в подполье: гендерные исследования в германской археологии**» (с.289-307). Авторы рассказывают, что гендерные исследования, зародившиеся в Скандинавских странах более 30 лет назад, пришли в Германию сравнительно поздно – лишь в конце 1980-х гг. Эта страна, по мнению авторов, «не родина для археологов-феминисток» («Germany: no fatherland for feminist archaeologists?», с.293). К сожалению, из статьи не совсем ясны заслуги феминистской археологии за последние 15 лет. Большая часть места уделена анализу причин академического «консерватизма».

* * *

Третий блок посвящён теме: «Восточная Германия и воссоединение». обстоятельная и деловитая статья Вернера Кобленца (Werner Coblentz) – увы, не дожившего до выхода в свет этой книги, – «**Археология под коммунистическим контролем: Германская Демократическая Республика, 1945-1990 гг.**» (с.308-341) рассказывает об организации научной деятельности в ГДР. Автор, работавший с последних лет Веймарской республики до нынешней эпохи объединения Германии, не поддаётся искушению судить и осуждать. Нет, он не в восторге от ушедшей ГДР. Говорит он и о «железном занавесе», отгородившем учёных из этой республики от западных коллег, и о партийном контроле над наукой, и о многом другом. И в то же время – о работе Академии Наук, музеев, о пропаганде знаний по преистории, о несомненных успехах... Система эта сама по себе нам в основном знакома, примерно такая же была и в СССР. Интереснее сделанные В. Кобленцем обобщения (с.333-336). Сферами, где требовались исключительно марксистские оценки, была новая и новейшая история. Археология была более или менее в тени. Здесь можно было не обращать чрезмерного внимания на линию партии, отдав ей «кесареву» лишь несколькими дежурными фразами. Как и у нас. Откроем, например, классическую работу А.Ф. Лосева «Античная мифология» (Лосев 1957): в начале – пара цитат из классиков марксизма, несколько раз – ссылка на заблуждающихся «буржуазных учёных», ни разу, однако, не названных по имени. И всё. Если эти фразы выпустить, смысл текста не изменится. Всё остальное – собственные мысли А.Ф. Лосева, глубокого философа-платоника, прожившего всю советскую эпоху с ярлыком «идеалиста».

Конечно, науке приходилось действовать в рамках, определённых властями. Так, аэрофотосъёмка была запрещена по соображениям государственной безопасности, а уже имевшиеся снимки можно было использовать только с разрешения МВД. Ознакомиться с трудами

зарубежных коллег было сложно – и не столько из-за «железного занавеса», сколько из-за проблем с валютой. То же самое было и у нас. Больше того, в «новых независимых государствах» в этом отношении положение даже ухудшилось: теперь мешают таможи и нищая государственная казна. Как тогда, так и теперь главный канал, через который поступают новые издания (и не только с Запада, но теперь уже и из других республик бывшего Союза) – личные контакты между учёными, да иногда ещё Internet. Зато партийный контроль над наукой в ГДР никогда не был столь жёстким, как в Третьем рейхе. Только один пример В. Кобленца: до 1982 г. из 15 сотрудников Государственной археологической службы в Дрездене только один был членом СЕПГ. Конечно, партийность помогала сделать личную карьеру, но не более того. Взаимная поддержка учёных и научных учреждений была сильнее любого давления. А в этих учреждениях партийные активисты, оппортунисты (приспособленцы), «беспартийные попутчики» и диссиденты обычно работали бок о бок до самого конца ГДР (с.335). Кроме того, идеологические и политические статьи по научным вопросам обычно вообще публиковались отдельно – в специальных изданиях.

«Важным фактором было взаимное доверие и помощь в пределах и между различными учреждениями, что гораздо чаще встречается в трудных условиях, чем в более благоприятных обстоятельствах. Несмотря на различные политические или идеологические представления, все преисторики ГДР могли и желали работать вместе. Конечно, были и исключения, но такое можно найти в любой политической системе» (с.334-335).

Об этом следует помнить тем, кто сейчас бездумно смешивает две системы под одним названием «тоталитаризм». Во многих отношениях они противоположны. В отличие от фашизма с его сознательной ставкой на мистику и интуицию, марксизм, не забудем, – изначально научное мировоззрение, продолжающее традиции просветителей. Конечно, его уровень – это уже уровень позапрошлого века. Но коммунистический режим в ГДР никогда не видел в науке лишь средство пропаганды. Созданная им система организации науки позволяла работать и достигать результатов, ценных не только (и не столько) для властей. Г. Херке вспоминает, как его научный руководитель Г. Янкун во время лекции как-то раз произнёс гневную тираду против археологов ГДР, обозвав их «социалистическим сбродом», потом сделал паузу и задумчиво произнёс: «aber gute Fragestellungen haben sie!» («но у них есть хорошо поставленные вопросы!»).

Вся эта система, с её плюсами и минусами, в результате объединения страны была разру-

шена. Статья доктора Йёрна Якобса (Jörn Jacobs) из Ростока «**Объединение Германии и восточногерманская археология**» (с.342-355) – это крик души. Реструктуризация восточногерманской науки после воссоединения вылилась в массовые чистки и замену прежних специалистов выходцами из западных земель. Господствующее настроение всего этого процесса – это *Siegermentalität* («комплекс победителей»). С самого начала был закрыт целый ряд научных учреждений. Затем начались «проверки чести» (*Ehrenüberprüfung*), когда каждый должен был дать либо подписку, что не сотрудничал с госбезопасностью («Штази»), либо подробную информацию, в чём именно заключалось его сотрудничество. За этим последовали массовые увольнения. Учебная база была подорвана. В Ростокском университете, где в своё время получил докторскую степень Шлиман, уже к лету 1993 г. потеряли должность полторы тысячи преподавателей, в том числе все историки (с.347). Именно этим обстоятельством Г. Херке и объясняет тот факт, что Восточная Германия так слабо представлена в сборнике. С 1997 г. Ростокский университет был вынужден прекратить набор студентов-археологов и переориентировать их на университет в соседнем Грейфсвальде (с.346).

Чем это объяснить? Был ли уровень археологической науки в ГДР слишком низок? Никто этого не утверждал, особенно на фоне её состояния в ФРГ, описанного выше. Так, значит, сведение счётов и делёж мест? Г. Херке, никогда не живший в ГДР, а сейчас работающий в Уэльсе, счёл себя обязанным поднять голос в защиту своих восточных коллег (нередко, увы, бывших). Справедливо ли, спрашивает он, что каждый третий из прошедших «проверку чести» в результате потерял работу, если даже денацификация стоила занимаемой должности только ОДНОМУ нацистскому археологу – Райнерту (с.31-32)? К тому же лишь после того, как юрисдикция перешла в руки самих немцев (с.121): в тот раз победители не тронули учёных. Вспомним решение, принятое насчёт Мартина Хайдеггера: да, он явно и сознательно виновен, но нельзя, чтобы мыслитель такого масштаба замолчал (Мотрошилова 1992: 207-210). А для лжеучёных, вроде тех же оккультистов, хватило и того, что была восстановлена в правах обычная научная критика, которая и без всяких «судов чести» способна определить, где тут, по словам Крылова, «таланты истинны», а где – «поддельные цветы». И разве борьба с пережитками марксизма – оправдание для разгрома академической организации, имевшей некоторые беспорные преимущества по сравнению со своим западным партнёром (с.32)?

Ничем, кроме «комплекса победителей», такое отношение объяснить нельзя. Всё-таки марксистская идеология – не фашизм, и режимы ГДР и Третьего рейха по многим параметрам

рам нельзя даже сравнивать (ср. с.336, статья В. Кобленца). Разумеется, историки были связаны с партией. В СССР беспартийный не мог преподавать историю даже в средней школе. Другое дело, как они это делали. Именно от нашего учителя истории, прошедшего всю войну от Сталинграда до Берлина, вернувшегося инвалидом, я впервые услышал, что «коммунизма не будет». Не верить ему в таком деле было нельзя. А это был 1975 год, когда крах СССР ещё и представить себе было невозможно. Если речь не идёт просто о дележе трофеев, – можно ли всех мести под одну гребёнку? Вспомним, в конце концов, что даже в той же ГДР вполне официально существовала НДПГ – партия бывших нацистов, не совершивших военных преступлений, с гарантированными местами в Народной палате. И в ФРГ официально существует НДП. Откуда же такая мстительность к восточным коллегам – повальная, без особого разбора?

Один из принципов бусидо гласит: «Тот, кто прощает, не глуп. Глуп тот, кто не умеет прощать».

Не случайно статья Й. Якобса оказалась самой пессимистической во всём сборнике. По его словам, кадровые перестановки закончились в 1998 г. – с истечением контрактов доцентов. С этого момента «инновационные идеи лишены шансов, так как научный истеблишмент воспримет их лишь как покушение на свои позиции. Широкомасштабная замена археологического персонала распространила на восток интеллектуальной застой западногерманской археологии» (с.354).

* * *

Последняя группа статей посвящена международным перспективам германской археологии. Статья доктора Джона Кинахана (John Kinahan) из Намибийского археологического общества в Виндхуке «*“Земля мечты” на юго-западе (Traumland Südwest): Два момента из истории германских археологических исследований в Намибии*» (с.356-377) посвящена малоизвестным страницам истории науки. Почти забыт научный подвиг, который совершил в 1920-х гг. немецкий художник Рейнхард Маак, впервые сумевший увидеть в скальных рисунках Юго-Западной Африки свидетельство высокой палеолитической культуры бушменов, одной из самых угнетённых общин тогдашней Намибии. Его материалы оставались неизданными более полувека: общественное мнение колонии не желало видеть в бушменах людей. Вместо этого был принят расистский миф о «Белой Леди» – якобы свидетельстве европеоидности создателей скальных рисунков, созданный аббатом Брейлем: «Грубый карандашный эскиз, сделанный в своё время Мааком, в конечном счете достиг Брейля, который смог посетить участок после войны благодаря поддержке южноафрикан-

ского премьера фельдмаршала Смэтса [создателя системы апартеида – Л.М.]. Так возник миф о Белой Леди, отвергнутый всеми уважаемыми археологами, но поддержанный фантазией колонистов и стремлением отрицать собственную культурную историю бушменов» (с.367). Германские исследования были возобновлены в 1960-х гг. институтом Генриха Барта в Кёльне, но в то время они несли печать эмпиризма, господствовавшего в западногерманской археологии. Лишь после провозглашения независимости Намибии их результаты начали использоваться по прямому назначению – для охраны культурного наследия бушменов. К сожалению, делается всё ещё меньше, чем возможно: «В мире программ исследований, зависящих от иностранного финансирования, германские исследования скальной живописи представляют собой сценарий, которого прежние колониальные власти предпочли бы избежать» (с.374).

«Взгляд со стороны» представлен статьёй амстердамского профессора Дж. Блоомерса (J.H.F. Bloemers) «*Германская археология в опасности? Критический взгляд соседа на традицию, структуру и прозорливость*» (с.378-400). Он рассматривает археологию как часть общества и системы образования и науки в целом. Но сегодня её социальный контекст – не германское общество в отдельности, а европейское общество в целом. Свои выводы автор сформулировал как пять рекомендаций германской археологии:

- она должна сознавать своё прошлое при различных режимах, но не быть парализованной крайностями этого прошлого;

- она должна учитывать перемены в германском и европейском обществе, в его политической, экономической, культурной, образовательной и других сферах;

- она должна учитывать, что эти перемены чреватые для неё не только риском, но и новыми возможностями, ибо археология отвечает на серьёзные вопросы – например, об исторической идентичности и устойчивости общества;

- она должна сознавать свою собственную традицию, общественную роль, и в связи с этим – ответственность за свою позицию;

- она должна использовать своё географическое положение в центре Европы и давние международные связи на Западе и Востоке не только для сотрудничества, но и для роли посредника в международном диалоге (с.393).

Наконец, заключительная статья Беттины Арнольд (Bettina Arnold) «*Трансатлантические перспективы германской археологии*» (с.401-426) подводит итог всего сборника. Из всех рассмотренных тем автор особо выделяет три: а) археология и политика; б) проблемы исторического просвещения; в) археология и женщины. Побег от объективности в культурный релятивизм дорого обошёлся германской археоло-

гии. Теперь, однако, то же самое переживают англоговорящие страны. Главная причина тому – поиск «удобного прошлого», *usable past* (с.405). Делается ли это под флагом постмодернизма или под каким иным, но это означает конец научности. Уже сейчас для разных групп «удобно» разное прошлое. И пусть эти группы (расовые, этнические, социальные, гендерные) имеют свои поводы для недовольства, но подчинение науки политическим и вообще вненаучным целям приведёт лишь к тому, к чему уже привело в Третьем рейхе. Не кто иной, как Гиммлер, в своё время заявлял, что, поскольку «Германия» Тацита – тенденциозный документ, и «наше знакомство с германскостью много лет было основано на фальшивке, мы вправе делать то же самое в любое время» (с.408). Б. Арнольд предупреждает: «Попытка предоставить всем заинтересованным сторонам равные права, независимо от того, насколько их требования могут опираться на эмпирическую очевидность, приведут лишь к одному: если все мнения равны, господствующим станет мнение той группы, которая лучше других умеет душить оппозицию. Это – определение диктатуры. Культурный релятивизм – одно из необходимых условий для злоупотреблений, совершённых такими системами, как нацистский режим, специалист по фабрикации «удобного прошлого»» (с.408).

Итак, проблема политического манипулирования наукой в принципе одинаково остра по обе стороны Атлантики. Это же относится и ко второй проблеме – роли науки в массовом сознании. Археология родилась в век увлечения античностью. Сейчас на дворе иное время – век практической целесообразности. Известно, что американцы предпочитают практически применимые знания в ущерб фундаментальным наукам, хотя сейчас это – не специфиче-

ски американская черта. Вопрос о том, «сколько долларов тратится на науку», ставится перед каждым выбором. И как ни сложно положение в Германии, описанное в статье У. Зоммер, оно всё же не так плохо, как в Штатах, где каждый волен верить, что индейские культуры созданы «потерянными десятью коленами израилевыми, заблудшими валлийцами, финикийцами, викингами» или кем ему угодно ещё (с.413). Ситуация с учебными текстами, выставками, музеями в США ненамного лучше, чем в Германии.

Наконец, проблема феминистской археологии. О ней сказано не так много. На сегодняшний день прогресс – скорее количественный: больше женщин-археологов, в том числе и с учёной степенью, но всё ещё мало принципиально новых идей. А без этого говорить о специфической гендерной археологии оснований не больше, чем об особой археологии, допустим, тридцатилетних. В силу того же, о чём говорила Б. Арнольд в начале статьи, требования феминисток, так же как, скажем, защитников коренных или чёрных американцев, должны опираться на «эмпирическую очевидность», чтобы можно было всерьёз обсуждать эту тему. Иначе это будет не вопрос науки, а всего лишь вопрос рабочих мест.

Всё сказанное представляет собой лишь краткий обзор содержания сборника. Можно лишь приветствовать мужественную решимость немецких археологов говорить перед лицом всего мира о проблемах своего прошлого и настоящего. Проблема, которая – повторяю – придётся решать и нам в настоящем или ближайшем будущем. Эта книга необходима всем нам, и не только археологам. Хотелось бы надеяться, что мы сможем увидеть её русский перевод.

ЛИТЕРАТУРА

- Блок М. 1986. Апология истории или Ремесло историка. Изд.2. М. Наука.
 Гумилёв Л.Н. 1990. География этноса в исторический период. Л. Наука.
 Кант И. 1980. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Тракаты и письма. М. Наука. С.292-297.
 Клейн Л.С. 2000. Археология в седле (Косинна с расстояния в 70 лет) // *Stratum plus*. №4. СПб.-Киев-Одесса-Бухарест. С.88-140.
 Лосев А.Ф. 1957. Античная мифология в её историческом развитии. М.
 Манн Т. 1961. Германия и немцы // Манн Т. Собр. соч. Т.10. Статьи 1929-1955. М. ГИХЛ. С.303-326.
 Мотрошилова Н.В. 1992. Драма жизни, идей и грехопадений Мартина Хайдеггера // Квинтэссенция. Философский альманах. 1991. М. ИПЛ.
 Портнов А. 2000. Как Чингис-хан стал Юрием Долгоруким // Наука и жизнь. 2000. №2. М. С.2-12.
 Рыжков Л.Н. 2002. О древностях русского языка. М. ИЦ «Древнее и современное».

- Хаффнер С. (Претцель Р.). 1994. Улыбка сфинкса. (Из книги «В тени истории») // Новое время. №2. С.58-59.
 Ясперс К. 1991. Смысл и назначение истории. М. ИПЛ.
 Aktuelles 2001 – Aktuelles zur Frühbronzezeit und frühe Mittelbronzezeit im nördlichen Alpenvorland // Hemmenhofen Skripten 2. Landesdenkmalamt Baden-Württemberg. Freiburg. 2001.
 Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. 2002 / H. Härke (ed.). 2nd, revised edition. // *Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel*. Bd.7. Frankfurt a.M. etc. "Peter Lang".
 Schleife 2002 – Schleife, Schlitzen, Rad und Wagen. Zur Frage früher Transportmittel nördlich der Alpen // Hemmenhofen Skripten 3. Landesdenkmalamt Baden-Württemberg. Freiburg. 2002.
 Klejn L.S. 1997. Das Phänomen der sowjetischen Archäologie. Geschichte, Schulen, Protagonisten // *Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel*. Bd.6. Frankfurt a.M. etc. «Peter Lang».